

ALMA LUSITANA

ЛУЗИТАНСКАЯ ДУША

Стихи португальских поэтов
XV-XX веков

Перевод Ирины Фещенко-Скворцовой

Коллектив авторов
Лузитанская душа

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Коллектив авторов

Лузитанская душа / Коллектив авторов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«В своё время много было сказано о «саудаде», слове, какое стало неотъемлемым от Португалии, с трудом переводимое на другие языки, так оно глубоко и многозначно. На русский язык оно переводится и как просто тоска, и как ностальгия – тоска по родине. Многие поклонники португальской литературы считают, что для современной Португалии это слово потеряло прежнее магическое значение. А были времена, когда это слово было краеугольным камнем философских систем, авторы которых надеялись возродить Португалию. Сегодня я хочу ещё раз войти в эту реку, омывающую берега лузитанской земли, земли Камозэнса и Пессоа, берега единственной Империи поэтов, существовавшей когда-либо в нашем прозаическом мире. И пусть, как всем известно, нельзя войти в одну реку дважды, это всё та же река, всё та же река...». На обложке: Маркеш де Оливейра «Ожидание рыбачьих баркасов», 1892 г. Marques de Oliveira "A espera dos barcos", 1892.

© Коллектив авторов
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Вступление	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ирина Фещенко-Скворцова
ALMA LUSITANA
(Лузитанская душа)

Стихи португальских поэтов XV – XX веков

Colectânea de poetas portugueses do século XV ao século XX

Перевод Ирины Фещенко-Скворцовой
Tradução de Iryna Feshchenko-Skvortsova

Вступление

В своё время много было сказано о «саудаде», слове, какое стало неотъемлемым от Португалии, с трудом переводимое на другие языки, так оно глубоко и многозначно. На русский язык оно переводится и как просто тоска, и как ностальгия – тоска по родине. Многие поклонники португальской литературы считают, что для современной Португалии это слово потеряло прежнее магическое значение. А были времена, когда это слово было краеугольным камнем философских систем, авторы которых надеялись возродить Португалию.

Сегодня я хочу ещё раз войти в эту реку, омывающую берега лузитанской земли, земли Камозанса и Пессоа, берега единственной Империи поэтов, существовавшей когда-либо в нашем прозаическом мире. И пусть, как всем известно, нельзя войти в одну реку дважды, это всё та же река, всё та же река...

Лузитания, как известно, – название древнеримской провинции, располагавшейся на большей части территории сегодняшней Португалии и юго-западной Испании. Название провинции происходило от иберийского племени лузитанов или лузов, подвергшихся сильной романизации во времена классической античности, а затем вошедших в состав современной португальской нации...

В Эпосе «Лузиады» Луис де Камозанс (около 1524–1580) описал героические события португальской истории. Он сравнивает португальских навигаторов XV столетия, первооткрывателей новых земель, с мореплавателями древней Греции, с аргонавтами, плывущими за золотым руном. Камозансом был создан миф о «лузитанской душе», образ знаменитого португальца-мореплавателя и завоевателя, образцово мужественного во всех аспектах этого понятия.

История Португалии с её великими открытиями и колонизацией многих стран и последующим за этим распадом империи, потерей колоний привела к тому, что страна должна была испытать всю тяжесть и унижение падения с высоты. Тоска о потерянной величии сквозит в стихах почти каждого португальского поэта. Но поэтом, создавшим целую философскую систему, связанную с понятием «саудаде» был Тейшейра де Паскоайш.

Тейшейра де Пашкоайш (1877–1952) – поэт-философ, возглавивший движение «Возрождения Португалии», родоначальник саудаизма как направления в португальской литературе. Он видел в «саудаде» – этом чувстве-идее – средство для встречи Португалии с самой собой, средство вернуть потерянную ею идентичность, средство возродить в португальском народе португальскую душу.

Согласно философским воззрениям Пашкоайша, каждое творение несовершенно, в каждом творении совершается падение – грехопадение – его творца. Не является исключением и творчество Бога. Бог также совершает грехопадение в каждом своём творении. И то, что было сотворено, должно довершить процесс, начатый его творцом. Саудаде – чувство, живущее в сознании человека, это тоска по тому совершенству, каким он был когда-то, где-то, каким мог бы быть. И это – единственный двигатель, мощная сила, побуждающая его к сотворению самого себя.

Это чувство тоски-саудаде одновременно является и индивидуальным, и универсальным. Благодаря нему, человек, и в первую очередь поэт, воспринимает весь мир как единое вечное воспоминание, воспринимает действительность как заклинание, вызывающее в памяти другую реальность, более реальную, чем эта. «Саудаде» это не только меланхолическое воспоминание об отсутствующем, но в ней слились воедино боль и радость, дух и материя, это скрытая в

крови народа творческая сила. Это трансцендентальная память о божественном происхождении человека, желание возвратиться к первоначальной гармонии, возродить свою связь с Космосом, потерянную в момент сотворения.

Существование каждого человека есть постоянное балансирование на грани между «Быть» и «существовать». Своим телом человек принадлежит материальному миру, но духом принадлежит иным мирам. И жизнь человека включает в себя постоянное стремление перехода к этим иным мирам от привычной материальной реальности. Результат невозможности «быть» по-настоящему – отчуждение человека от собственной материальной жизни. Космическая Тоска – Саудаде Мира одновременно является и Тоской Бога, который присутствует во всех вещах. Природа также идёт путём эволюции, путём сакрализации.

Португалия – это духовное существо, зависящее от индивидуальной жизни отдельных португальцев. И чтобы она продолжала существовать, необходимо, чтобы каждый португалец жил настоящей, истинной жизнью, одухотворённой блеском мечты об Ином, Далёком, когда-то подвигавшей на великие открытия их предков. Такая одухотворённость, согласно Тейшейре де Пашкоайшу, включает в себя тягу к приключениям, риску, опасностям, дух мессианизма, убеждённость в своей избранности как народа, расы первооткрывателей, в своём высоком предназначении, отголосок мифов, издавна живущих в лузитанской душе. Погибший юным в битве при Алкасёр-Кибуре король Себастьян, чьё тело так и не было найдено, становится легендой и символом, подобно королю Артуру, будто бы живущему на одном из туманных островов...

Поэт служит посредником между Богом и человечеством, его миссия – быть вечным Прометеем, воспевать «саудаде», напоминая человеку о его божественном происхождении и о возможности возрождения. В словах поэта есть отзвук того божественного, что включает в себя душа человеческая.

Фернандо Пессоа (1888–1935), великий португальский поэт, ставший вровень с Камюэнсом, во многом разделял взгляды Пашкоайша о предназначении Португалии и о двигателе её духовного развития, при этом он уделил большее внимание саудаде-скорби о неопределённости судьбы нации, о её потерянной величии:

О, Боже, было доблестного нрава
Два брата – Власть и Слава —
И Вечности бестрепетное море
Их поглотило вскоре.
И с ними нас покинуло то свойство,
Что душам придавало пыл геройства.

(из стихотворения «Ночь» в кн. «Послание»).

Его теорию Мифа как стимула возрождения нации, его «себастьянизм» Эдуарду Лоуренсу (род. 1923, португальский писатель, мыслитель-эссеист, политический публицист, аналитик национальной словесности и культуры) называет аватаром лузитанской саудаде.

Пессоа предсказал появление в Португалии сверх-Камюэнса – великого поэта, который «в поисках Индии, какой нет на картах, будет творить великую Португалию будущего». В своих работах Пессоа даёт понять, что не разделяет полностью идеи эстетики саудаизма, но разделяет её идеал возрождения национальной идентичности. Если Пашкоайш исповедовал религию, являвшуюся синтезом языческого натурализма и христианской духовности, то Пессоа

предпочитает язычество греков, свободное от ярма Рима и католической церкви, отстаивая сочетание патриотизма с религией, включающей в себя трансцендентность язычества в сочетании с традициями рыцарского романа и, особенно, легенды о Святом Граале. Он, являясь в большей степени космополитом, чем Пашкоайш, экспериментирует с новыми эстетическими понятиями, берущими начало во французском символизме, создавая Паулизм, Интерсексионизм и Сенсасионизм. Если Пашкоайш утверждает единство всего существующего, то Пессоа, не отрицая этого, выдвигает на первый план множественность, единство противоположных начал, выражая при этом то многообразие, какое чувствует в себе самом.

Ответы на вопросы о возрождении своей Португалии Пессоа искал в масонстве и в эзотеризме, включая некоторые их идеи в свою концепцию, вот почему совокупность взглядов Пессоа на проблему возрождения родины часто называют **«мистическим национализмом»**. Но это вовсе не ограниченный национализм, видящий только узко-национальные интересы своей страны. «Мистический национализм» Пессоа видел пути от национального к универсальному, вселенскому братству.

Вот выдержки из интервью Фернандо Пессоа, данного им 14.02.1934 года.

«Есть три социальные реальности – Индивид, Нация и Человечество. Всё, что есть сверх этого – вымышлено...

Индивид, Нация и Человечество – реальности, так как определены точно, имеют очертания и форму. Индивид – высшая реальность, т. к. имеет очертания материальные и ментальные – это живое тело и живая душа...

Нация – также реальность, ведь она имеет определённую территорию, или язык, или историческую непрерывность – один из перечисленных элементов или все. Очертания Нации всё же более случайны, и географически, потому что границы не всегда остаются такими, какими должны были бы быть; и лингвистически, потому что широкие пространства отделяют страны с единым языком, какие по самой своей природе должны были быть объединены в одну нацию; и исторически, потому что, с одной стороны, различные критерии подхода к национальному прошлому разбивают или имеют тенденцию разбивать «крошечный сосуд», а с другой стороны историческая непрерывность действует различно среди разных слоёв населения, отличающихся своим нравом, обычаями или культурой...

Человечество – ещё одна социальная реальность, такая же сильная, как Индивид, более сильная, чем Нация, потому что определена лучше. Индивид в своей сущности – понятие биологическое; Человечество, по существу, понятие зоологическое – не больше и не меньше, чем вид животных, образованный из всех индивидов человеческого вида. Индивид и Человечество – реальности, подобные корням. Нация, являясь социальной реальностью, нематериальна: это скорее ствол, чем корень. Индивид и Человечество – это места, а Нация – это путь от одного из них к другому. Именно благодаря братству патриотов, человек нормальный это легко почувствует, мы и дорастаем, или дорастём когда-нибудь, до братства всех людей на Земле»¹.

В 1914 году Пессоа начал писать своё «Послание» – эпико-лирическую поэму, где нашёл своё отражение и миф и Себастьяне, и его мысли о лузитанской душе. В этой поэме он воссоздаёт мифическую Португалию, потому что реальная не удовлетворяет его. Его Португалия – не реально существующая и не империя – завоеватель земель, это Португалия великих Открытий, эволюционирующая, универсальная, распространяющая культуру, преодолеваю-

---

¹ Все приведённые во вступлении тексты и фрагменты текстов переведены И. Фещенко – Скворцовой.

щая духом своим свои материальные границы (Гомес, 1993 г). Пессоа считал, что для воскрешения духа и морали народа необходим великий национальный миф, одухотворяющий его. Воплощение безумной фантазии, мечты – это миф о Доне Себастьяне, который имеет прочные корни в прошлом и в португальской душе. Так «Десежаду» – Желанный, Ожидаемый – Дон Себастьян перестал быть человеком во плоти, но стал универсальной империей, отчуждённой от христианства, но близкой к оккультизму, стал самой душой нации.

Пятая Империя (термин введён Антониу Виейрой (1608–1697, бразильский писатель, дипломат, миссионер), о которой говорит Пессоа – это не материальная империя, воспетая Камозансом в «Лузиадах», но это духовная империя, вневременная, к которой имеют доступ только посвящённые. Так, сверх-Камозанс – Пессоа стал посланником **Новой Империи Поэтов**. Как писал Пессоа: «Империализм поэтов длится и властвует; империализм политиков проходит и забывается, если только он не воспет одним из поэтов».

Таким образом, возможность космического освобождения, искупления, которую Пашкоайш видел в саудаде, Пессоа видит в духовном мессианизме Португалии, раскрытом в «Послании». Национальный миф напоминает нации о героях, таких, как Вириату и инфант Дон Энрике. Миф порождает мечту, порождает в душах вечную жажду Абсолюта, идущую от призывов героев прошлого, рисквавших жизнью, ради величия родины. Способность мечтать позволяет человеку преодолевать страх, стремиться к Бесконечности, видеть невидимое.

Основатели Пятой Империи, как рыцари Круглого Стола в легенде о Граале, очищаются страданиями земного пути. Мистический национализм Пессоа в «Послании» переходит географические, исторические и человеческие пределы Португалии. Пессоа обращается в нём к человечеству, утверждая, что **Время** наступило – и это происходит **всегда сейчас** для всех стран и всех людей, что надо быть внимательными к символам и предупреждениям Судьбы, всегда жить настоящей одухотворенной жизнью.

Португальское фаду, столь близкое к чувству-идее саудаде Пашкоайша, чувство, становящееся песней, трактуется Пессоа несколько по-иному.

Вот текст, написанный Фернандо Пессоа в 1929 году:

Фаду и Португальская душа

Вся поэзия – а песня – это поэзия, сопровождаемая музыкой – отражает то, чего нет у души. Поэтому песня печальных народов весела, а песня веселых народов грустна. Фаду же – и не весела, и не грустна. Это некоторый промежуточный эпизод. Его создала португальская душа в то время, когда ещё не существовала и всего желала, не имея сил желать.

Сильные души принимают всё от Судьбы, только слабые доверяются собственной воле, поскольку её нет.

Фаду – это усталость сильной души, презрительный взгляд Португалии на Бога, в которого она верила, но оставила эту веру...

В фаду Боги возвращаются – настоящими и далёкими. В этом и заключён скрытый смысл фигуры короля Дона Себастьяна.

14.04.1929.

Как известно, именно Пессоа считается одним из великих истолкователей португальской или лузитанской души. Осознание Пессоа своих культурных португальских корней постоянно возрастало, начиная с 1905 года – года его возвращения из Южной Африки (Дурбан) в Лис-

сабон. Своё исследование португальской души Пессоа не прекращал в течение всей жизни, выражая свои мысли по этому поводу то в стихах, то в кратких очерках о Португалии и португальцах. Вот фрагмент одного из таких очерков:

Есть три типа Португалии внутри самой Португалии...

Есть три типа Португалии внутри самой Португалии; или, если предпочесть другое выражение, есть три типа португальцев. Один появился с возникновением народности: это типичный португалец, составляющий основание нации и основание её расширения; работая безвестно и скромно в Португалии и в любой из многочисленных частей этого Мира. Этот португалец встречается с 1578 г., разлучённый со всеми правительствами и всеми покинутый. Существует, потому что существует, и именно поэтому нация тоже существует.

Другой – это португалец, которого нет. Он начался с иностранного интеллектуального вторжения, ведущего начало от, по всей вероятности, времени Маркиза де Пумбал. Это вторжение обострилось с конституционализмом и достигло завершения с республикой. Этот португалец (а он и составляет большую часть средних классов, более зажиточных, буржуазии, определённую часть народа, и почти всех людей из руководящих классов) является тем, кто правит страной. Он полностью разлучён со страной, какой он руководит. Он по своей воле – модный парижанин. Против своей воли – он тупоумен.

Есть ещё третий португалец, он начал существовать во времена короля Дона Диниша, когда нация начала уже образовывать империю. Этот португалец совершил открытия, создал современную заокеанскую цивилизацию, а потом ушёл. Ушёл в Алкасер Кибир, но оставил некоторые родственные души, которые всегда есть и продолжают существовать в ожидании его. Последним настоящим королём Португалии был тот самый король Дон Себастьян, павший при Алкасер Кибире (предположительно, там умерший) – на этом символическом возвращении короля Дона Себастьяна португальцы, испытывающие ностальгию по распавшейся империи, и основывают свою веру в то, что род его не прекратится.

Эти три типа португальцев имеют общий менталитет, ведь они все – португальцы, но их отличает друг от друга то, как этот менталитет проявляется в каждом из типов. Португалец, в своей психической основе, определяется, с разумным приближением, тремя характеристиками:

- 1 – преобладанием воображения над разумом;
- 2 – преобладанием эмоций над страстью;
- 3 – инстинктивной способностью к адаптации.

Первой характеристикой он отличается, по контрасту, от античного эго, с которым имеет много сходства в способности к быстрой адаптации и в сознательном непостоянстве и мобильности. Второй характеристикой он отличается, по контрасту, от среднего испанца, с которым так сходен в интенсивности и характере чувств. Третьей характеристикой он отличается от среднего немца; сходен с ним способностью к адаптации, но у немца эта способность – рациональная и устойчивая, а у португальца – инстинктивная и неустойчивая.

Каждый из этих типов португальцев соответствует определённому типу литературы.

Первый тип португальца – это португалец типичный, «нормальный». Португалец «официального типа» подобен воде; воображение продолжает господствовать над разумом, но не существует; эмоции продолжают преобладать над страстями, но они бессильны господствовать над чем бы то ни было; способность к адаптации сохраняется, но является чисто поверхностной – способность к ассимиляции заменяется способностью к мимикрии.

Португалец «имперского типа» впитывает свой разум посредством воображения; его воображение настолько мощно, что, можно сказать, интегрирует в себе разум, образуя новое умственное качество. Отсюда – открытия, которые являются результатом умственного, даже практического, упражнения воображения. Отсюда недостаток большой литературы в то время (Камознс, несмотря на его величие как поэта, не достигает в литературе той высоты, которой достигает совершённое Инфантом Энрике и императором Афонсу де Албукерком, создателями, соответственно, современного мира и современного империализма). И это новое умственное качество влияет на два других умственных качества португальцев: под его влиянием активизируется способность к адаптации, бывшая пассивной, и то, что было умением делать всё, превращается в умение быть всем.

«О Португалии – Введение в национальную проблему». – Фернандо Пессоа, Лиссабон, Аттика, 1979.

Критичность ума, склонность к иронии и самоиронии, присущие Пессоа, заставили его написать небольшой текст, в котором он горько высмеивает свои же самые горячие стремления. Из его содержания видно, что великий португалец сам понимал безнадёжность мечты о желанном возрождении родины, отсюда та глубинная тоска, непреходящая боль, какими пронизана его главная несоставленная книга, сохранившаяся в виде громадного количества фрагментов – «Книга непокоя». Вот этот текст:

Внутренняя эхололия²

Португалец способен на всё, но на словах, пока никто у него не требует этого. Мы – великий народ героев, которые всё время откладывают свои подвиги. Смело бьём по лицу всех отсутствующих, завоевываем расположение всех воображаемых женщин, и просыпаемся весёлыми, поздним утром с красочным воспоминанием о великих поступках, которые должны совершить. Каждый из нас имеет Пятую Империю в своём районе и считает самого себя королём Себастьяном в уменьшенном виде из серии фотографий, сделанных в Гранделе³. Несмотря на всё это, республика ещё не умерла.

Сегодня мы – капля сухой краски, капнувшей с руки, что чертила контуры Империи с запада на восток. Трудно отличить, наше ли прошлое является нашим будущим или наше будущее является нашим прошлым. Мы поём фаду всерьёз в этом неопределённом промежутке. Как говорится, лиризм – главное достоинство расы. Каждый раз мы поём ещё одно фаду.

Атлантический океан остаётся на своём месте, даже символически. И Империя всегда остаётся, поскольку есть Император.

(Фернандо Пессоа «О Португалии. Введение в Национальную Проблему». Опубликовано в Лиссабоне, Аттика, 1979).

Пессоа не говорит о своей любви к родине. Устами Бернарду Суареша («Книга непокоя») он утверждает, что его родина – не Португалия, но португальский язык. В одной из Од доктора Рикарду Рейша – одного из гетеронимов Пессоа (созданных им писателей, поэтов) – говорится даже: «розы я предпочту, милая, родине». Но, обратите внимание на один из небольших отрывков-эссе в разделе «Большие отрывки» «Книги непокоя». Он называется «Кенотаф» – символическая могила. В этом эссе или стихотворении в прозе говорится о человеке, умершем за родину: «Он не думал, что умирает за родину; он умер за неё. Он не решил выполнить свой

---

² Эхололия – неконтролируемое автоматическое повторение слов, услышанных в чужой речи.

³ Грандела – большой склад-магазин, существовавший много лет назад в Лиссабоне в районе Шиаду.

долг, он его выполнил... Его вело то, что заставляет розы расцветать и заставляет быть прекрасной смерть листьев. Ни жизнь не знает лучшего основания, ни смерть – лучшей награды».

Пессоа понимал, что прежнее величие его родины – империи – было построено за счёт страданий других народов, что ему в удел досталась бедная, отсталая и неграмотная страна. Если Тейшейра де Пашкоайш был одним из лидеров движения «Возрождение Португалии», выпускал печатный орган этого движения – «Орёл» («A Águia»), сотрудничал в других журналах, в том числе туристическом, написал «Искусство быть португальцем», пособие, какое, как он надеялся, будут изучать в школах, то и Фернандо Пессоа делал всё, от него зависящее, для развития своей страны, не только в литературе, но и в торговле, и в промышленности, в туризме и других областях экономики. Создание литературных журналов, основание издательств, в одном из которых он выпускал ежемесячник – журнал, посвящённый вопросам коммерции и бухгалтерии, и пр. – всё это сверх постоянной литературной деятельности, оставившей такое колоссальное наследие. Жаль, что большинство его начинаний просуществовали в течение недолгого срока.

Нельзя обойти молчанием и взгляд Пессоа на то влияние, какое оказала арабо-исламская культура на ментальность португальского народа, на лузитанскую душу. Лиссабонский философ (итальянец по происхождению) Фабриджио Бошкália в 2010 г. отмечал, что за всё время, за 75 лет, прошедших со дня смерти Пессоа, влияние арабо-исламской культуры на творчество Пессоа было исследовано только в двух случаях: в краткой рукописи Жозе Аугусто Сеáбры, опубликованной в 1996 г., и в очерке Марсии Алиете Гальоз, издавшей «Рубайят» Пессоа.

В работах Пессоа можно встретить такие высказывания: «Нет ни одного значительного португальского движения, какое не являлось бы движением арабским, потому что в основе души португальской лежит арабская душа.»(Пессоа Ф. Сенсасионизм и другие «измы»). Говоря об «арабах» Пессоа имеет в виду народы, исповедующие исламскую религию, говорящие на арабском языке, независимо от их географического происхождения.

Известно, что Пиренейский полуостров (альтернативное название Иберийский, а мусульмане называли его Аль-Андалус) в течение столетий (711-1492) был в значительной степени под властью исламских и арабских народов. Пессоа считал, что иберийские народы имели не латинское происхождение, но, скорее, романско – арабское: «Мы, иберийцы, продукт скрещивания двух цивилизаций – романской и арабской» (Пессоа Ф. Иберия – вступление к будущему Империализму).

В другом тексте Пессоа добавляет к этому утверждению следующее: «...не потому, что мы были романизированными арабами, но потому, что ими являемся и посейчас» (Пессоа Ф. Иберия.).

Пессоа также говорит о научном вкладе влияния арабо-исламской культуры в реализацию знаменитых португальских морских путешествий. (Пессоа Ф. «Сенсасионизм и другие «измы»). Особенно он подчёркивает толерантность исламской цивилизации на Иберийском полуострове Аль-Андалус, при которой мирно существовали рядом иудеи, христиане и мусульмане, мирный культурный диалог давал богатую научную, философскую и художественную продукцию.

Именно толерантность откровений исламской культуры, включающей в себя идеи и откровения предыдущих культур, привлекала интерес Пессоа в течение 1915–1916 гг., когда он развивает тему космополитизма, изучает теософию, по его словам, принимающую все иные религии.

Ещё одно привлекло Пессоа к этой теме: проблема синтеза культур, литератур и философий, который поэт-философ хотел осуществить посредством созданного им движения, именуемого сенсасионизмом и с помощью журнала «Орфей». Под маской философа Антониу Мора

Пессоа писал: «Сенсационисты имеют типичное преимущество арабов: активная универсальная любознательность, которая позволяет им воспринимать влияния со всех сторон, углублять их смысл, объединять их результаты и, в конце концов, преобразовывать их в субстанцию своего собственного духа. (Пессоа Ф. Сенсационизм и прочие «Измы»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.